

ГРИГОРИЙ ГРОШЕВ

ГРУЗ 90

18+

Григорий Грошев

Груз 90

«Автор»

2026

Грошев Г.

Груз 90 / Г. Грошев — «Автор», 2026

Помните это время? Кока-кола, хот-доги, малиновые пиджаки, кассеты. Груз девяностых так и не сдан в утиль. Вас ждут мрачные, весёлые и драматические истории об этих временах.

© Грошев Г., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Питерская жесть	5
Делать что?	8
Оно - тёмное	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Григорий Грошев

Груз 90

Питерская жесть

Тема нашей лекции жесть, говорит профессор. Старый, лет 65 ему или даже больше.

Тима всматривается в лектора. Что-то не так. Ба, да он же весь мокрый! Он хоть и сидит на третьем ряду, но замечает, что пиджак и брюки профессора пропитаны водой. А ещё рядом стоит чемодан. Не то, чтобы очень большой. С таким раньше ездили отдыхать: в Египет, в Черногорию, на Гоа. А теперь пандемия.

Вроде бы и отдыхают все, но меньше. Вот только недавно разрешили на лекции ходить. А до этого полгода в монитор пялился. Тут хотя бы приятно на лица посмотреть. А профессор Лебедёв до чёртиков странная личность. Начнём с того, что он один из немногих, кто действительно разбирается в маркетинге. Бог рекламы!

Что такое жесть? вопрошает Лебедёв.

Валерий Олегович! тут же подаёт голос студент с первой парты. Вроде, Васька его зовут. Жесть это такое изделие из холоднокатаной стали!

Садись, студент, хохочет Лебедёв. Вы тут вообще-то учитесь на маркетологов. А не на инженеров. Пусть они там свою сталь катают А мы будем их раскатывать. Так вот, профессор вновь посмотрел на аудиторию. Да, слоган родился. Вот для них, для инженеров. «Холодный прокат хоть в рай, хоть в ад». Ну да, так себе. Не суть.

Тима вспоминает о Светке. Хорошая девушка, такая вся правильная. Он не такой. Вспоминает, что однажды смог затащить её в свою квартиру целых 10 квадратных метров. Для провинции шкаф, для СПб жильё. Ему родители купили, чтобы на съёмное не тратиться. Когда Тима сидит в этой квартире-клетке, вспоминает «Преступление и наказание». Наверно, такую студию снимал Родион Раскольников. Всё повторяется.

Жесть это событие, которое явно выходит за рамки привычных ожиданий и стереотипов, говорит Тима и затыкает рот рукой. Просто на карантине привык комментировать преподавателей.

Великолепно! профессор показывает рукой в его сторону, и с мокрого пиджака несколько капель летят на пол. Отлично сказано. Итак, запишем. Первое. Жесть это событие. Второе. Результат действий явно непропорционален ситуации. Третье. Восстановить статус-кво невозможно в силу естественных причин.

Студенты начали переглядываться. Конечно, лекции профессора Лебедёва всегда отличались эксцентричностью. Однажды он, рассказывая о войне брендов, принёс на лекцию живую курицу и кота. В клетках. И выслушивал разные мнения о том, стоит ли открывать дверцы. И будет ли такая реклама уместна в современном маркетинговом контексте.

Но тут что-то особенное. Чемодан. Мокрый профессор. Лекция про жесть. К чему это всё? Тиме очень льстит, что Валерий Олегович его похвалил. Однажды Лебедёв сделал рекламу «ОтсоСоля» популярнейшего энергетика. Продажи взлетели. Он заработал кучу денег. А то, что энергетические напитки вредны Ну так жить в целом опасно.

Я вам так скажу, господа студенты продолжает Лебедёв. Разбираться в жести полезно. Особенно в наше время. И в этом месте, где мы с вами живём. Потому что жесть тут везде. Ездили когда-нибудь в плацкарте без белья?

Да! хором говорят студенты. Хотя вряд ли ездили.

Жесть! картинно удивляется профессор. Он-то уверен, что большая часть тутошних студентов ездят на машинах, не намного дешевле его личной.

Светка слишком правильная. Когда он её затащил в свою квартиру, как у Родиона Раскольникова, то начал напаявать. Она пила вино, бокал за бокалом. А потом Потом она вроде была согласна. И даже осталась до утра. У Родиона, наверно, не было туалета. У него, Тимы, туалет есть. И когда ты заходишь в клетку квартиры-клетки, нужно выбирать.

Душ стоит прямо над унитазом. Или ты моешься, или Одно хорошо всегда всё чистое. Мыть не надо. Тима не готовит кухни у него нет. Максимум чайник вскипятить или еду в микроволновке разогреть. Он отвёл Светку на метро Она ничего ему не сказала, так и общалась с ним. Но в гости больше не ходила.

Профессор! снова говорит Тима. Успех надо развивать. А душ прямо над унитазом Это жель?

Отнюдь! возражает Лебедев. Жель, это если тебе нужно принять душ, что над унитазом. А в чаше В чаше нечто такое, чей объём явно выходит за пределы привычных ожиданий и стереотипов.

В аудитории смеются. Теперь лекция всем нравится. Светка общалась с ним, Тимой. Но в гости ни ногой. Что он только ей ни предлагал. И суши, и квест, и замуж. Уж очень она ему нравилась. Вся такая правильная, вся такая отличница. Она писала, что у неё есть Хотя тут лучше процитировать, чтобы понять, кто такая Света. Она никогда не пишет коротких сообщений. Всегда целая поэма, эссе, литературный шедевр.

«Милый друг! писала она Тиме в телеге. Я польщена твоим вниманием к моей персоне, и той настойчивостью, с которой ты хочешь повторить наш сексуальный опыт в твоей квартире с экспериментальной планировкой. Но вынуждена тебя огорчить! У меня всё хорошо. Я сейчас встречаюсь с мужчиной и проживаю в его апартаментах. Это недалеко от центра. У меня отличный вид на старый Петербург. У нас всё серьёзно. Убеждена, что Он скоро сделает мне предложение. Я не тороплю. Это слишком серьёзный шаг, чтобы делать его рывком».

От ревности Тима сходит с ума. Он убеждён, что нет никакого мужика, и апартаментов тоже нет. Что Светка просто набивает себе цену. Что нужно сделать ей такое предложение, от которого ей будет трудно отказаться. Да! Нужно стать крутым маркетологом.

Вот представьте продолжает профессор. В метро к вам подходит абсолютно пьяный, хотя с виду и приличный, человек и пытается выяснить, как проехать на его станцию на окраине. Особенно в Москве. Вы пытаетесь объяснить ему, но он совершенно ничего не понимает. И звереет. И хватает за лацкан пиджака, угрожая швырнуть под поезд.

Жель! хором отвечает аудитория.

А у меня такое было! говорит Лебедев. Богом клянусь. Но, разумеется, лекция моя посвящена другому. Персональной жести. Убеждён, после нашей лекции половина из вас уйдёт из профессии. А другая станет богатыми, знаменитыми и успешными. Если выживет, разумеется.

У Светки офигительные волосы. Белые такие, ровные, длинные. Спина у неё прямая, как стрела. А бёдра Восхитительные бёдра. Тима вспоминает, как целовал их тогда, ночью. И вроде всё хорошо начиналось, а потом его понесло. И вместо нежности получилась какая-то жель Он так жёстко её любил, что сам удивлялся. Синяки остались, следы от пальцев.

Ему казалось, что Светке такое понравится. Наверно, переборщил. Может, поэтому она не пишет уже два дня? О, и на лекцию не пришла. Жель. Блин, прилипло это слово! Волосы такие длинные, до пояса, и белые, но не крашенные. Как этот цвет называется? Русые? Пшеничные.

Так вот, господа студенты, снова говорит профессор. Вы, должно быть, обратили внимание на чемодан, что водружён на этот стол, будто знамя художника Павленского на Красной площади Что же в нём?

Судя по теме Вашей лекции, профессор, снова подаёт голос Тима. Там концентрированная жель.

Идеально! Блестяще! отвечает Лебедёв. Молодой человек, почему я тебя раньше не замечал? Светлая, умная голова. Изумительно. Ну что ж. Как я и сказал, половина из вас этой лекции не переживёт. Зато другая Итак, шагайте сюда, юноша.

Тима встаёт. Чтобы понимать, что он чувствует Это как если бы Владимир Путин предложил журналисту третьесортной газетёнки («Зорька» или «Мошня Октября») подойти к его столу. И задать вопрос. Это как в другой мир попасть!

Профессор Лебедёв очень странный. Он всегда опаздывает на лекцию. Всегда. Но после него никто не заходит. Какими бы уважительными ни были причины. Он редко делает рекламу. Только для души. Но один его проект стоит сто тысяч долларов. Минимум! И желающие находятся. Говорят, что профессор иногда оказывает знаки внимания студенткам. Плохо ли это?

Открывайте! предлагает Лебедёв.

Тима пытается поставить чемодан, но он слишком тяжёл. Пока он возится с замком (тоже мокрым, как и профессор), краем уха слышит щелчок. А потом звуки, как будто плётка бьётся в стену. Но он весь сконцентрирован на чемодане. Открывает

Боже мой! кричит Тима. Из-за краешка торчат белые волосы. Ну, светлые. Те самые, не то пшеничные, не то русые. Господи

Именно! отвечает профессор. Знаете ли, так случается.

Тима поднимает взгляд. Лебедёв держит в каждой руке по пистолету. Тима всё равно в оружии не разбирается, замечает только, что на каждом глушитель. Смотрит на аудиторию. В каждом ряду по два мёртвых студента. Васька, похоже, первым пулю схлопотал.

Я поставлю тебе зачёт, автоматом, улыбается профессор. Если ты сделаешь правильный выбор.

И протягивает ему один из пистолетов. Тима принимает. Неожиданно тяжёлый. Полкилограмма весит, не меньше. Что он должен делать? Зачёт автоматом это здорово. Но Стоп. Светка в чемодане. Светка, его Светка! Тима хочет кричать.

Ну же, молодой человек, улыбается профессор. Даю десять секунд На правильный выбор.

Тима поднимает руку и нажимает на курок. Неожиданно тугой. Нажимает ещё и ещё раз. Ещё и ещё, пока в магазине не заканчиваются патроны. А потом бьёт ногой, снова и снова, пока на теле профессора не заканчивается живое место, а весь он не становится сплошным месивом.

За окном идёт дождь такой приятный, светлый ласковый. Он постепенно разъедает питерскую жесть.

Делать что?

Что делать будем? спрашивает Василий, эксперт. Что делать?

Виктор молчит. Виктор работает в прокуратуре старшим помощником уже третий год. Он никогда не знает, что делать за него всё решают другие. Виктор молчит, но молчит громко.

Я знаю, что делать, говорит Петя и достаёт синий «Винстон» и красную зажигалку.

Петя опер, важняк. Ему уже лет сорок пять, а он всё сидит в районе. На земле, как говорит его начальство всех уровней. Конечно, Петя знает, что делать. Кто, если не Петя? Да он весь район знает. Тут ни одна собака не воет без его отмашки. Виктор не знает ничего, но у него чуйка. Интуиция. Виктор делает шаг в сторону, в сторону двери. Он боится, чтобы Петя не вытащил свой ствол и не сделал ему лишнюю дырку в туловище.

Виктору нужно как-то оправдать своё передвижение, и он включает телевизор. Новости. Ведущая вещает что-то о темпах вакцинации против COVID-2019, подлодке в Индии. О коварной Америке. О братской Белоруссии. Или Беларуси, как там правильно? Ведущая говорит громко, но не очень. Фоном.

Что? спрашивает Виктор как можно спокойнее. Хотя на душе у него не так.

Заберём себе, пожимает плечами Петя. Поделим. Что ещё делать?

Василий начинает кашлять. Он бросил курить двадцать, если не тридцать лет тому назад. Васе по должности положено быть крепким. Сильным, как мрамор или кусок гранита. Но Василий достаёт сигарету из пачки Пети, поджигает её, затягивается и начинает кашлять.

Заберём. Себе, медленно говорит эксперт, выдыхая сизый дым. Эх, Петя Петенька Ты вообще видишь, сколько тут? Сколько мы заберём себе, а?

Виктор чувствует, что обстановка накаляется. Нет, внешне всё выглядит спокойно. Благопристойно. Банальный выезд по факту смерти. Древняя, сухенькая старушка перестала подавать признаки жизни неделю или две назад. Соседи терпеливо сносили неприятный запах, но потом позвонили в полицию. Её высохший, маленький трупик даже не воняет почти.

Мумия! Виктор здесь за прокурора. Он первым заходит в квартиру, если никого нет. Ни наследников, ни родственников, ни знакомых. Вроде как должен смотреть, чтобы всё было по закону. Василий щупает труп и выносит свой вердикт. «Да, сама бабка представилась». Всё честно.

А Петя вроде как должен документ состряпать. С помощью которого бабку, наконец, похоронят. А квартирку, её роскошную трёшку в центре Москвы, передадут на баланс города. Ведь нет никого у бабки! Нет, Витя лично проверил. Не было никого, а кто был тот раньше умер. Всё было бы просто, предельно ясно и быстро, если бы не один нюанс. Сотни нюансов.

Вернее, нет: несколько миллионов нюансов разными купюрами. Крупными и мелкими. Евро, рубли, доллары, фунты стерлингов и даже иены. Три из четырёх комнат туго набиты деньгами. В четвёртой, самой маленькой, кровать с балдахином, телевизор, а ещё сама бабка. Эксперт, помощник прокурора и опер рядом. Стараются не дышать.

Ладно, у меня такой вариант, говорит Василий. Здесь миллиарды. Мне, например, не нужны миллиарды. Мне хватит двух-трёх миллионов евро. Я уже пожил, мне даже алкоголь нельзя. И сигареты, кстати, Василий тушит бочок и прячет его в карман. Берём деньги, прячем их, и вызываем всех. Твоих, моих, ихних. Всех.

Хорошая мысль, кивает головой Петя. Только мы тут уже час стоим. Думаем. Ещё час, чтобы бабки спрятать. Ты думаешь, Вася, нас не прижмут? Не накроют потом? Чисто для острастки. Яйца нам дверью не отдавят?

Виктор молчит. Он смотрит на Петю, на Васю. Смотрит на свою душу. Чтобы успокоиться, он пытается сосчитать в голове, сколько тут может быть денег. Миллион долларов, вроде бы, весит 7 килограммов. Если в этих ящиках, предположим, 5-6 тонн наличности, то

Допустим, соглашается Василий. Действительно, мы слишком долго вату катали. Допустим, выносим всё. Но! эксперт поднимает указательный палец вверх. Здесь несколько сотен килограммов денег. Мне, к примеру, тяжести нельзя поднимать. Вы двое будете носить коробки день или два. Нам понадобится грузовик, чтобы всё это вывезти. Думаешь, нас не хватятся? Думаешь, сможем.

Думаю кивает Петя.

Виктор молчит. Ему страшно. У него перед глазами почему-то несётся вся его жизнь. Почему? У него даже нет ствола. Когда он приносил присягу два года тому назад, ему выдали форму, галстук на резинке и фуражку. А ствол нет. Хотя в ксиве написано, что он имеет право ношения боевого оружия. Право имеет, а оружия нет.

Значит так, говорит Виктор и двигается спиной к выходу. Медленно. Мы приехали на труп. Я присягу давал! Мне сам Сам генеральный фуражку вручил! Мы приехали, чтобы проверить квартиру. Вы что, с ума сошли? По плечу меня хлопал, слышишь? Ты, Петя, даже протокол писать не начал. А Вы, Василий Григорьевич, могли хотя бы для вида осмотреть погибшую. Я присягу давал! Никаких денег, слышите? Никаких

Виктор делает движение слишком резкое. И у Пети нервы сдают. Молниеносно, чётко, выверено, как на учениях, он выхватывает табельный пистолет. Одни движением снимает его с предохранителя. Делает короткий, точный выстрел. Рука Виктора так и сжимает дверную ручку. Сам он медленно сползает на пол, прижимаясь спиной к стене. И садится, будто устал или приуныл.

На стене остаётся тонкая красная полоса, похожая на кровь в последнюю очередь. Скорее кажется, что художник-авангардист провёл по стене членом, вымазанным в багровую краску. Неровно, неуверенно, но очень талантливо. Даже гениально. Глаза Виктора стекленеют, а изо рта булькает красная пена.

Значит так, говорит Василий. Так говорит, будто ничего не произошло. Значит, я беру двух помощников. Ты тоже. Машина у меня есть. Пусть этот прокурор остаётся тут. Пусть. Потом придумаем, что делать.

Василий поворачивается спиной и идёт к двери. Открывает её, шагает на кухню. Петя зачем-то хватается подушку. И следом. В отличие от остальной обстановки, в спальне богато. В опочивальне хорошо. Бабушка спала на огромной кровати под балдахин. Под голову клала толстую подушку.

Она глушит выстрел, поэтому Василий даже не понимает, что произошло. Он опирается руками на гарнитур и стоит. Стоит неприлично долго, и в голове Пети даже появляется мысль сделать контрольный. Но Васины ноги подгибаются. Он падает. Кровь растекается по полу. Петя выходит в коридор, чтобы не вымазаться. Эту кровь потом не отстирать.

Кому позвонить? Пашке? Пашке можно доверять, конечно. Но он тормозит. А ещё не умеет держать язык за зубами. Пашка вынесёт всё, спору нет. Но потом они погорят на какой-то мелочи. Юрке? Юра, конечно, хорош. Но Юра только сделает вид, что помогает. Он припрячет пару миллионов, а потом вложит его. В подробностях. Коле? Саньку? Лёхе?

Пока Петя перебирает в голове варианты, дверь в квартиру тихонько открывается. Своим ключом. На пороге четверо огромных мужиков. На глазах очки. На плечах чёрные куртки. Они не похожи на бандитов, нет. Скорее, на бизнесменов средней руки. Или на диверсантов. Или на военных врачей. Или на секретных агентов.

Руки, говорит один из них, указывая стволом на Петю.

Этому «агенту» не нужна подушка. У него на стволе короткий глушитель, и явно серийный. Это не какой-нибудь там кусок металла, который вытачивал пьяный трудовик в своём подвале. Нет. Такой прибор точно не подведёт. Петя смотрит на гостей, на телефон в левой руке. И резким движением призывает собственную смерть.

Если бы в этот момент в общем коридоре старого дома шёл человек, он услышал бы простые звуки. Вот кто-то уронил на пол что-то тяжёлое. А вот лёгкий свист. Наверно, мухобойка прихлопнула очередное насекомое. Мухи летают, их всё больше. Без мухобойки никак.

А телевизор всё говорит. Говорит, не замечая происходящего. Телевизор говорит день и ночь, день и ночь. И ничто не смеет помешать его Слову. Ничто, даже Youtube или сам Господь Бог. Никто, даже самый талантливый писатель.

«Загадочное происшествие зафиксировано сегодня на улице Ямской, в самом центре Москвы. В квартире блокадницы, героини СССР, заслуженной работницы тыла обнаружено четыре трупа. Среди них владелица жилья, старший помощник прокурора, медицинский эксперт и старший оперуполномоченный по особо важным делам.

Как сообщает Генеральная прокуратура, героиня Союза скончалась по естественным причинам. Причины смерти остальных людей выясняются. Из квартиры ничего не пропало. Возбуждено уголовное дело по факту умышленного убийства двух и более лиц и незаконному обороту оружия. Ведётся следствие, устанавливаются возможные обстоятельства происшествия».

В кадре обшарпанные стены и абсолютно пустые комнаты. Только на кухне старый гарнитур, одна ложка, вилка и алюминиевая кружка. Перевернутый стол. Работает оперативная группа. Лица под масками, брови насуплены, взгляды тяжелы. У зрителя возникает стойкое ощущение, что преступление будет раскрыто.

Оно - тёмное

Вечер, но везде горит свет. Она не экономит электричество незачем. Ей так спокойнее, когда в каждой комнате включены все лампочки, все светильники. Но при этом должно быть тихо. Она должна слышать, что в доме никого. Кроме неё. По этой причине она давно рассталась с Молли, своей любимой собачкой.

Молли постоянно лаяла. Молли скулила. Увы, она рассталась с питомцем, просто оставив её на опушке леса за тридцать километров от дома. «Кто-нибудь обязательно отвяжет», говорила она сама себе, но я слышал. Да, она очень странная, но я всё равно её люблю. Люблю и никогда не брошу.

Сейчас, лёжа с закрытыми глазами, я не вижу, а слышу, как она закрывает все окна и двери. Задёргивает занавески. Закрывает замочек на каждом стеклопакете. Ей кто-то сказал, что отжать раму снаружи раз плюнуть. А замочек, значит, ни за что не превзойти. Ну-ну.

Слышу, как открывается дверь, и она спускается в подвал. Это её самое нелюбимое. Она терпеть не может фильмы ужасов. А я сразу представляю «Оно». Помните эту картину? Ох уж этот Стивен Кинг! Умеет страху нагнать. Слышу, как скрипят ступеньки деревянной лестницы это она медленно спускается.

В одной руке бита (в левой), а в другой фонарик (в правой). Логично бы наоборот, но в подвале тоже нужно закрыть все окна, только не на замочек, а на ставни. Там сыро, и приходится проветривать после каждого дождя. Сегодня именно такой день. Слышу, как ставни закрываются. Ну, кажется, всё. С самым сложным покончено.

Слышу, как поднимается в ванную, открывает смотровой люк. Ну как люк лючок. Примерно 40 на 30 сантиметров, или около того. Да, он может быть даже там (сарказм). Я ей тысячу раз говорил, что пространство в коммуникациях слишком узкое. Там даже ребёнку не пролезть! Не то, что взрослому мужчине, которого она боится. Да-да, мы разговаривали на эту тему.

Не подумайте, она не странная. Она хорошая. У нее никого нет, кроме меня. Когда она была маленькая, ей крупно не повезло. Это был 98-й год, времена беспокойные. Именно тогда, когда дефолт произошёл. Помните ещё, что это такое? Нет, это не кафе для зумеров, а страшный экономический кризис. Об этом мало говорят, но в тот страшный год многие голодали.

Нет, не она и не её семья. Её отец, бывший офицер, руку держал на пульсе. Сначала он продал много армейского имущества, а потом открыл собственный магазин. Капитал сколотил! Капиталище! Это из-за него в ту злополучную ночь к ним в дом вломились бритые парни и пытали всю семью.

Всё требовали у офицера: отдай деньги. Отдай, ну! А он ни в какую. Тогда они убили жену. Молчал. Загоняли иголки ему под ногти. Молчал. Потом Потом они надругались над ней на глазах у отца. Над маленькой девочкой! Звери, ироды, сволочи. Тогда он сдался. Тогда он рассказал. Но это не помогло.

Они убили всех, и её душили, а потом снова надругались. Но ей повезло (или нет?) она выжила. Выжила, долго лечилась, и до сих пор прийти в себя не может. Второй раз ей повезло (или нет?) когда она встретила меня. Я единственный, кто её понимает.

Один человек в целом мире, кто готов терпеть все эти заскоки. О, теперь черёд входной двери. Щелк один замок. Щелк второй. Хрюк цепь. Ляп засов. Фьють ещё один замок. Этот точно последний. Её дом неприступная крепость. Никто не сможет проникнуть внутрь. Никто, кроме меня.

Сейчас она ещё раз проверит шкафы и ляжет спать. Наши отношения странные. Любой бы на моем месте давно бросил ее. Сказал бы, что она поехавшая. Что сама себя боится. Любой,

но не я. Я не могу без неё, понимаете? Как подумаю, что она достанется кому-то другому Нет, такие мысли лучше гнать от себя подальше.

Никому она не достанется. И в сумасшедший дом я её никогда не пристрою. Никогда! Она будет со мной, пока моё сердце бьётся. Будет рядом, в горе и в радости. Хотя о чём я говорю, какая радость? С тех пор, как её жизнь разделилась на две половины, развеселить её практически нереально.

Ну вот. Ритуальный обход повторный! Она снова проверяет все шкафы, окна. Снова подходит к входной двери и смотрит, надёжно ли она заперта. Она бы давным-давно поставила видеонаблюдение, если бы не боялась, что к нему подключатся удалённо. Глупенькая! Наблюдение уже давным-давно ведётся.

И вот, когда всё проверено, она идёт в ванную. Долго, долго моется, чуть ли не час. Теперь она чувствует себя в безопасности. Теперь она может наконец расслабиться и отдохнуть. Убирает одеяло, ложится на кровать. Выдыхает Берёт в руки любимую книгу.

И вот тогда! В этот самый момент Из-под кровати появляюсь я. Снова! Вот так сюрприз! Который раз уже. Она от ужаса не может и слова вымолвить. Просто смотрит на меня в оцепенении. А у меня всё с собой. Четыре мягких наручника. Таких, чтобы следов не осталось. Четыре аккуратных верёвки.

Я пристёгиваю её ноги и руки, привязываю их к краям кровати. Затыкаю кляпом рот: мягко и нежно. Долго, аккуратно л

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.